Ирина Костина

КАПКАН НА ПРИНЦЕССУ

Книга третья

Ирина Костина

Капкан на принцессу. Книга третья

«Издательские решения»

Костина И.

Капкан на принцессу. Книга третья / И. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930259-5

1735—36 годы. Победа России в войне за польское наследство ожесточила Францию и Пруссию. И, пока Анна Иоанновна празднует победу, её соперники вынашивают планы мести: кардинал Флери склоняет Турцию к войне против России, а прусский император нанесёт удар прямо в сердце — и это будет сердце любимой императорской племянницы — Анны Леопольдовны. Друзья-кадеты, по-прежнему, в гуще событий; Василий, уверенный в несправедливом обращении с Минихом в Польше, пишет обличительный трактат для императрицы.

ISBN 978-5-44-930259-5

© Костина И.

© Издательские решения

Содержание

обращение от автора 7
1735 год 8
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Капкан на принцессу
Книга третья

Ирина Костина

© Ирина Костина, 2019

ISBN 978-5-4493-0259-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор Ирина Костина

обращение от автора

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках третью книгу, исторического романа «Нет цветов у папоротника», состоящего из семи книг.

Роман охватывает период событий в Российском государстве с 1733 года, времени правления Анны Иоанновны, и заканчивается серединой 1740-ых годов, когда корона Российской империи уже венчала голову Елизаветы Петровны.

Исторические события в нём разворачиваются на фоне житейских историй приятелей кадетов первой в России Рыцарской Академии, что позже будет переименована в Кадетский Сухопутный корпус. Они учатся, озорничают, влюбляются, попадают в переделки и, сами того не ведая, зачастую становятся участниками событий, которые впоследствии потомки впишут в учебники.

Такие исторически известные фигуры, как Анна Иоанновна, её фаворит Бирон, племянница Анна Леопольдовна, канцлер Андрей Остерман, фельдмаршал Миних, царевна Елизавета и прочие – тоже предстанут на страницах романа главными героями. Они здесь, как и все обычные люди – радуются и страдают, боятся и рискуют, а бывает, тоже попадают в нелепые ситуации.

Если эта книга тебе понравится, то можешь найти и прочесть все семь:

«Рыцарская академия» – первая книга.

«Польский этюд» – вторая книга.

«Капкан на принцессу» – третья книга.

«Матовая сеть» – четвёртая книга.

«Наследники и самозванцы» – пятая книга.

«Рецепт дворцового переворота» – шестая книга.

«Нет цветов у папоротника» – седьмая книга.

Ирина Костина

1735 год

Пруссия
дворец кайзера Фридриха-Вильгельма

Прусский король Фридрих-Вильгельм лежал в спальных покоях замка в Потсдаме и с горечью вспоминал минувшие военные события в борьбе за польское наследство.

Как известно, в преддверии дележа польской короны, Россия, Австрия и Пруссия объединили свои интересы союзом «трёх чёрных орлов». От русской императрицы цезарю Карлу была обещана в снохи племянница государыни Анна Леопольдовна. А кайзеру Фридриху-Вильгельму в случае успешного исхода дела позволялось выдвинуть младшего сына на вакантный пост герцога Курляндского. Кандидатом в короли Сейм должен был избрать пяста, удовлетворяющего требованиям всех трёх союзников.

Но никто из пястов не смог создать достойную партию, чтобы противостоять Лещинскому. И тогда Россия выдвинула в кандидаты саксонского курфюрста. Польская оппозиция и Австрия её поддержали. А Пруссия заупрямилась: почему она должна помогать саксонскому курфюрсту без всякой для себя выгоды? И Фридрих-Вильгельм направил в Саксонию письмо, в котором указал, какие именно требования должен выполнить курфюрст в ответ на прусскую поддержку. Но письмо осталось без ответа. И король счёл себя обиженным.

Анна Иоанновна с цезарем Карлом, желая склонить Фридриха-Вильгельма к поддержке их кандидата, попытались призвать его к обязательствам, данным союзу «трёх чёрных орлов». Но лишь ещё больше рассердили его.

Фридрих-Вильгельм вспылил: хороши союзнички! Не удовлетворили ещё условиям прежнего договора, а заставляют даром действовать в пользу их саксонского протеже. И саксонец гусь ещё тот! Не хочет ничего сделать для Пруссии.

Видя, что прусский кайзер устраняется от «союза чёрных орлов», Россия в ответ мягко устранилась от своих обещаний ему, и пост герцога Курляндского стал примерять на себя Бюрен.

Фридрих-Вильгельм впал в гнев:

– Если союзники отступают от своих обязательств передо мной, то и я могу закрыть глаза на свои обязательства перед ними. В конце концов, ни в одном договоре я не обязывался препятствовать избранию Лещинского!

Именно это он и написал в очередном письме Августу. Пригрозив, что может примкнуть к партии Лещинского, прямо указал: «если саксонский курфюрст желает помощи от Пруссии, то он должен пообещать вознаграждение»; и даже сократил список своих требований до одного. Но Август не согласился и на это. И вот тогда обиженный король объявил, что будет нейтральным в польских делах!

Но, как известно, на обиженных воду возят. И очень скоро Фридрих-Вильгельм понял, что союзники обходятся без его поддержки, а он рискует остаться с носом. И стал предпринимать отчаянные попытки получить хоть какую-то выгоду! Он забросал саксонского курфюрста письмами, в которых требовал признать, что нейтралитет Пруссии является весьма благожелательным для курфюрста в борьбе за польскую корону. И в благодарность тот должен вознаградить его Курляндией и Померанией. Но Август продолжал упрямо молчать.

Кайзер злился, чувствуя, что время уходит, и он упускает последние шансы. И лишь падение Данцига положило конец его бесконечным претензиям. Он понял, что в погоне за большим, лишился и малого. И в итоге не приобрёл ничего.

Фридрих-Вильгельм, будучи натурой экзальтированной, не выдержав переживаний, слёг в постель. На фоне депрессивных настроений обострились все его ранние недуги. И король даже устранился на какое-то время от государственных дел.

Целыми днями, лёжа в постели, он стонал и жаловался на несправедливое к себе отношение, изводя этими жалобами преданного секретаря. Во всех своих бедах кайзер обвинял союзников: императрицу Анну и цезаря Карла. Распалял себя намерениями восстановить справедливость. И строил планы мщения.

– Всё это время обе державы бессовестно обманывали меня! – начал свою ежедневную обличительную речь Фридрих-Вильгельм после приёма в постели завтрака, – Их лживые обещания были лишь ловким трюком, чтобы держать меня на привязи и удовлетворять их интересам! Меня дурачили, выдавая белое за чёрное, а чёрное – за белое! В итоге я оказался с пустыми руками. Но теперь я вижу: мои царственные соседи перестали уважать добросовестность! Россия думает, что может вертеть союзниками по своему усмотрению; менять условия договора, пренебрегать обещаниями… А Австрия потворствует её прихотям, точно глупый щенок, уповая на обещанную кость. Что ж, я полагаю, Карл остался доволен тем, что удалось породниться с русской императрицей? День свадьбы уже назначен?!

– Ваше величество, о свадьбе пока речь не ведётся, – уведомил его секретарь, – По сведениям Мардефельда, принц Антон-Ульрих пришёлся не по душе юной принцессе.

– О-хо-хо! – обрадовался Фридрих-Вильгельм, – Выходит, что мой сосед Карл тоже вкусил русской лживой дружбы!! Как я рад! Пусть получит по заслугам за то, что шёл на поводу у русской царицы, надувая меня пустыми обещаниями!! Значит, несостоявшийся жених посрамлённый вернулся домой?

– Нет. Он по-прежнему в Петербурге.

– Как?! Что он там делает два года?!

– Русский канцлер Остерман, регулярно получая субсидии от Венского двора, вынуждает принца надеяться на успех предприятия. Для смягчения неловкости положения, Антона-Ульриха взяли на службу, сделав его шефом кирасирского полка.

– Какое коварство!! Неужели у цесаря Карла не хватает ума понять, что Анна его сперва беззастенчиво использовала, а теперь вынуждают субсидировать свои же невыполненные обещания?! Надо отдать должное, русскому канцлеру; он не зря есть свой хлеб.

Король отставил чашку с недопитым кофе:

– Но, в качестве справедливого возмездия, эта свадьба не должна состояться! Напишите Мардефельду, что, я готов выписать ему значительное вознаграждение, если получу известие о том, что свадьба Брауншвейгского принца с русской принцессой отменяется!!

Секретарь покорно записал пожелание кайзера и уверил его в том, что оно будет непременно исполнено.

Санкт-Петербург

Мадам Адеракс присела за столик, аккуратно сложив руки на коленях, придерживая сумочку-скарселлу из красного бархата:

– Я получила Ваше письмо и пришла, как Вы просили, в условленное место. Хотя, признаться, не понимаю, чем Вас могла заинтересовать моя скромная персона?

Прусский посланник Аксель Мардефельд настороженно огляделся и, убедившись, что их никто не подслушивает, улыбнулся:

– Позвольте, я угощу Вас чем-нибудь.

Она кивнула. Он велел принести две кружки пива и немецких колбасок. И продолжил:

– Ваш покойный супруг генерал Адеракс, принадлежал дворянской французской фамилии. Но Вы сами родились в Берлине. И родина Ваша – Пруссия.

Такое начало свидетельствовало о большой осведомлённости собеседника и серьёзности предстоящего разговора. Мадам Адеракс предпочла выразить молчаливое согласие. И дала понять, что внимательно слушает.

– Одним словом, король Пруссии рассчитывает найти в Вас преданность и уважение.

– Король… во мне?!!

– Для его Величества нет различий в сословиях! Он одинаково любит и заботится обо всех, кто является его подданными. Даже если они вынуждены временно пребывать в иных землях.

– В чём его величество может найти пользу от такой скромной женщины, как я?

– Мне нравится ход Ваших мыслей, – поощрил её ответ Мардефельд, – Вижу, Вы – женщина умная. Уверен, что мы поймём друг друга.

– Я Вас слушаю.

– Вы ведь состоите в штате принцессы Анны.

– Да.

– Вам, как никому другому, должно быть известно о настроениях принцессы относительно её жениха принца Антона-Ульриха.

– Это ни для кого не секрет, – пожала она плечами, – Анна не испытывает к нему ничего, кроме пренебрежения.

– Верно. Но зато царевна снисходительно принимает знаки внимания от саксонского посланника Линара.

Адеракс предпочла воздержаться от комментариев.

– Впрочем, я уверен, что это лишь интерес, который ещё не перешёл в связь, – уточнил посланник, наблюдая беспристрастное выражение лица гофмейстерины.

Она продолжала молчать.

– Так вот, берлинский двор был бы Вам очень обязан, если бы Вы, мадам, на правах воспитательницы, искренне помогли русской принцессе в её сердечных делах.

На лбу мадам пролегла глубокая складка недоумения:

– Что Вы имеете в виду?

– Свадьба Брауншвегского принца с русской царевной должна расстроиться, – открыто сообщил он и положил на стол кошелёк в качестве веского аргумента к словам.

– Не могли бы Вы подробнее изложить, что от меня требуется, – попросила она, не спуская глаз с кошелька, – Не хотелось бы истолковать Ваши слова неправильно.

Мардефельд наклонился ближе, чтоб их не мог никто подслушать:

– Поддержите увлечение Вашей воспитанницы саксонским посланником. Оказывайте всяческое содействие тому, чтоб их обоюдный интерес перешёл в связь. И эта связь не должна быть платонической. Вы меня понимаете? Наилучший исход я вижу в том, если бы принцесса понесла от своего любовника.

Мадам Адеракс строго поджала губы:

– Это скверное предложение.

– Разумеется, – подтвердил он, – За благое дело Вам бы никто не предложил такую сумму.

– А что будет потом?

– Постыдное поведение принцессы откроется. И Брауншвейгский принц, сочтя себя оскорблённым, публично откажется от невесты.

Мадам неуверенно положила руку на кошелёк и на ощупь попыталась определить, насколько внушительно его содержимое? И стоит ли оно тех усилий, что от неё требуют?

– Это первоначальный взнос, – уточнил Мардефельд, – Вторую часть Вы получите, кода дело будет сделано.

Она пристально взглянула в лицо собеседника:

– Но Вы должны понимать, что, когда связь принцессы на стороне откроется, я окажусь в весьма щекотливом положении. И рискую не просто репутацией, но и головой.

– Об этом не тревожьтесь! Как только Вы выполните работу, я помогу Вам беспрепятственно покинуть Россию. А на полученное вознаграждение Вы сможете купить домик недалеко от родного Берлина и безбедно прожить до глубокой старости.

После этих слов кошелёк уверенно перекочевал со стола в бархатную скарселлу. Мардефельд счёл нужным уточнить:

– Только, прошу Вас – не переусердствуйте! Принцесса не должна заподозрить в Вас участницу заговора. Пусть всё идёт своим чередом. Вы же лишь слегка направляйте события в нужное русло.

апартаменты принцессы Анны Леопольдовны

Анна сидела в кресле, раздражённо покачивая ногой:

– Мадам Адеракс, Вы послали за фрейлиной Менгден?

– Да, Ваше высочество. Сразу, как Вы сказали.

– Отчего ж её так долго нет?!

– Не могу знать.

– Ну, так пойдите и узнайте!!

– Прежде позвольте напомнить, что завтра Её величество желают завтракать в манеже. И просили Вас к ней присоединиться.

– Велите, чтоб приготовили моё платье для верховой езды, – распорядилась принцесса.

– И ещё. Сегодня приедет принц Антон-Ульрих, чтоб составить Вам компанию в карточной игре.

– Можно подумать, кто-то его об этом просил!! – недовольно заметила Анна, – Это обязательно, чтоб он приезжал ко мне играть в карты?!

– Её величество озабочена вашей размолвкой с принцем. И велела ему чаще навещать Вас.

– Лучше бы она велела ему убираться домой, в Беверн!!

– Императрица видит в Антоне-Ульрихе будущего супруга Вашего высочества.

– А я – нет!!!

– Как Вам будет угодно, – гофмейстерина откланялась, – С Вашего позволения я удаляюсь.

– Мадам Адеракс, скажите, Вы были замужем? – неожиданно поинтересовалась Аня.

Она остановилась и, обернувшись вполоборота, сообщила:

– Была. Мой муж умер пять лет назад.

– Простите, – смутилась принцесса, – Вы, наверное, его любили?

– Я его терпеть не могла! – сухо доложила Адеракс, – Я могу идти?

Её неожиданный ответ возбудил в принцессе любопытство:

– Нет, погодите!

– Но Вы просили выяснить, где фрейлина Менгден.

– Ничего. Это подождёт! А за что Вы его не любили?

Та неловко повела плечами:

– Он был скупой и скандальный старик. Когда мы поженились, ему уже было пятьдесят. Он был старше меня на двадцать восемь лет.

– На двадцать восемь!! – ахнула Аня, – Зачем же Вы пошли замуж за старика?!

– Меня никто не спрашивал. Мои родители сочли это замужество выгодным для покрытия собственных долгов, – пояснила мадам, разведя руками, – Но просчитались. Генерал Аде-

ракс оказался до неприличия скуп! Он сэкономил даже на свадьбе. Не говоря уже о том, что впредь требовал с меня отчёт за каждое потраченное экю.

– Почему Вы мне никогда этого не рассказывали?

– Разве это так важно?

Анна задумалась:

– Может быть…

Она поманила воспитательницу пальцем и попросила присесть рядом:

– Скажите, а что Вы думаете об Антоне-Ульрихе?

– Он добрый, благовоспитанный молодой человек.

– Да?! А знаете, какой он зануда!! – не сдержалась принцесса, – С тех пор, как тётушка произвела его в полковники кирасирского полка, он только и говорит об этих кирасирах! О том, как тщательно он выбирает для них оружие, размышляя какой именно ружейной мастерской отдать предпочтение. Какой формы выбрать клинки. И какое на них поставить клеймо. Какого фасона будут их мундиры, и в каких магазинах Европы лучше заказать ткань. И чем отличается сукно одной мануфактуры от другой… И всё это я буду вынуждена сегодня выслушать в очередной раз за карточным столом! Это невыносимо!!

– Мой покойный супруг тоже любил говорить о лошадях и оружии, – сказала Адеракс, – Должно быть, таковы все мужчины.

– О, нет! Уверяю Вас, это не так!! – воскликнула Анна, – Есть другие мужчины! Они изысканы и галантны. Они знают массу забавных историй. Они непременно стараются вам угодить. Их визиты – желанны, потому что времяпровождение с ними приятно. Они одеваются по последней моде. Они читают с вами одни и те же книги. Они красивы. И от них пахнет французским парфюмом. А от Антона-Ульриха, извините, пахнет лошадьми, так как в последнее время он то и дело упражняется на конюшне.

– Мой муж курил трубку. И его руки навсегда пропахли табаком, – призналась Адеракс, – Я с тех пор ненавижу табак.

– А у Антона-Ульриха руки холодные. Всякий раз, когда он дотрагивается до меня… бррр! Будто я лягушку трогаю. А глаза! Вы видели? Ведь они же бесцветные!! Это так неприятно.

Обе умолкли, думая о чём-то своём. Наконец, мадам Адеракс осторожно произнесла:

– Я не вправе высказывать плохих суждений об её императорском величестве. Но, если бы Вы, Анна Леопольдовна, были моей дочерью, я ни за что на свете не отдала бы Вас замуж за принца Антона-Ульриха, – и поднялась, – Простите.

Анна не успела удивиться и оценить сказанное гофмейстериной, потому что в комнату впорхнула Юлия. Она, радостная и румяная с мороза, на ходу скинула капор, запустила в угол шляпку. И прошла на середину, держа в руках какие-то листы с типографским шрифтом. Анна обрадовалась:

– Юлия! Наконец-то. Почему ты так долго?

– Взгляни, что мне удалось раздобыть!

– Что это?

– Это перевод Тредиаковского стихов из книги «Езда в остров любви».

– Ой! Дай мне посмотреть!! – Аня вытянула у неё из рук листы.

В ту же минуту отчётливо стало слышно, как к дому подъехала карета. Девушки встрепенулись.

– Мадам Адеракс, взгляните! Кто там? – попросила Аня.

Та послушно выглянула в окно:

– Принц Антон-Ульрих. Как и обещал.

Анна закатила глаза:

– О! Нет!! Уже?!

– Как всегда, очень кстати, – с досадой добавила Юлия.

– Если позволите Ваше высочество, я скажу, что Вы спите, – неожиданно предложила мадам Адеракс.

Девушки в изумлении переглянулись. Анна в порыве благодарности прижала ладошки к груди:

– Спасибо!!

Воспитательница поклонилась и вышла.

– Что это с нашей фурией? – оторопела Юлия, – Откуда вдруг такая трогательная забота?

– Ты знаешь, Юлия, оказывается, она вовсе не такая уж фурия, – поправила её Анна, – А приятная женщина. И даже милая.

Поздно вечером, укладываясь спать, Анна наблюдала за тем, как гофмейстерина задёргивает портьеры, вдруг спросила:

– Мадам Адеракс, сколько Вам лет?

– Сорок пять.

Она задумчиво подсчитала что-то в уме и печально констатировала:

– Выходит, двадцать лет Вы прожили в браке с человеком, которого презирали! Значит, Вам так и не довелось полюбить кого-то по-настоящему?

Та поставила на прикроватную тумбочку принцессы подсвечник и тихо заметила:

– Как бы скверно ни сложилась судьба, в жизни каждой женщины обязательно есть воспоминание о большой и красивой любви.

Анна заинтересованно выглянула из-под одеяла:

– И у Вас тоже?! Расскажите!!

– Вам уже пора спать.

– Нет, нет. Пожалуйста! Расскажите!

Мадам Адеракс сделала вид, что пребывает в замешательстве:

– Не уверена, что эта история понравилась бы Её императорскому величеству, так как она вовсе не отвечает тем нравственным качествам, что мне велено Вам прививать.

Разумеется, после таких слов, у принцессы разгорелись глаза:

– Обещаю, что тётушка об этом не узнает!!

– Ну, хорошо, – поддалась воспитательница.

И, присев на край кровати, она пустилась в рассказ:

– Он был капитаном королевской гвардии. Мы впервые встретились в кондитерской лавке. Он был красавец, брюнет, с изящными усиками. Думаю, он тоже обратил на меня внимание, потому что, когда в следующий раз мы снова оказались вместе в кондитерской лавке, он любезно купил мне пирожных и предложил проводить до дома. Потом было ещё несколько случайных встреч прежде, чем мы поняли, что страстно увлечены друг другом. Мы стали встречаться вдалеке от всех, за городом; в его охотничьем домике. Один раз в неделю. Я говорила мужу, что отправляюсь проведать свою тяжелобольную тётушку. Он никогда не интересовался моей роднёй, и это позволило мне почти два года «ухаживать за смертельно больной».

– Вы встречались тайком *целых два года*?!

– Да. Я будто бы ухаживала за больной. А он якобы ездил на охоту.

– Он был женат?!

– О, да, – Адеракс виновато улыбнулась, – Я же сказала, что история безнравственна и пришлась бы не по душе Её величеству.

– Подумаешь! – фыркнула Анна, – Тётушка сама живёт с женатым мужчиной на виду у всего общества!!

– Тише, – осадила её гофмейстерина, – Мне не позволительно обсуждать с Вами императрицу и её личную жизнь.

– Хорошо. А что было дальше у Вас с этим капитаном?

– Те два года, что мы встречались, были самыми счастливыми в моей жизни. Ведь нет ничего приятней, чем делать то, что велит тебе твоё сердце и ощущать рядом любимого человека.

– А что случилось потом?

– Его полк отправился на войну. И мой капитан погиб.

– Боже мой!! Как это ужасно! – расстроилась Аня, – Мне так жаль Вас!

– Уже десять лет прошло. Я смирилась с этой утратой.

– Значит, о вашей любви никто не узнал? Ни Ваш муж, ни кто другой?

– Однажды я решилась рассказать об этом сестре, – призналась Адеракс, – Но в ответ получила суровое осуждение. Сестра заявила, что я погрязла в грехах и мне необходимо теперь до конца своих дней раскаиваться и молиться.

– И Вы раскаялись?

Она опустила голову:

– Наверное, стоит ответить «да». Иначе я рискую потерять статус воспитательницы.

Мадам Адеракс заботливо подоткнула одеяло принцессе и поднялась:

– Спокойной ночи, Ваше высочество.

Санкт-Петербург

Известие о политической обстановке, сложившейся после польских событий вокруг России, вот уже который месяц активно обсуждалось кабинетом министров и Военной коллегией. Как и предполагал Остерман, тщеславный Миних тут же ухватился за идею развязывания войны против Турции, так как находил в этом наилучший способ реабилитироваться в глазах государыни за допущенные промахи при взятии Данцига.

После того, как Бюрен преподнёс Анне Иоанновне составленное генерал-майором Трубецким донесение о причастности Миниха к побегу Лещинского (написанное под его диктовку), государыня была в смятении, в очередной раз осознав, что её обманул мужчина, которому она всецело доверилась.

Пойдя на поводу у ополчившихся против Миниха министров, она лишила его всех обещанных наград за победу над Данцигом. Но передать дело в Тайную канцелярию для расследования не позволила; хоть Миних и подорвал её доверие, но, тем не менее, она питала к нему большую симпатию. Его искренняя преданность, искромётность идей, жажда деятельности в скором времени вновь растопили её женское сердце. И, спустя пару месяцев, Анна Иоанновна уже простила Миниха и включила его, наравне с Остерманом и Левенвольдом-старшим, в число получателей контрибуции с Данцига, которая составила почти семьдесят четыре тысячи талеров.

И теперь горячее желание Миниха оправдать возвращённое ему доверие императрицы выражалось не просто в красноречивой агитации к военным действиям против Порты, а требовало прямых доказательств! И, чтобы не быть голословным, он набросал целый план поэтапных достижений русской армии в этой пока ещё не начавшейся войне. И передал его Бюрену в надежде, что тот представит проект государыне.

Согласно этому плану, если начать войну незамедлительно, то уже через год Миних рассчитывал взять Азов, овладеть Доном, Днепром, Перекопом. Через два года подчинить России Крым, Кубань и Кабарду. А через три года – Молдавию и Валахию. После чего греки обрели бы спасение под крыльями российского двуглавого орла. И в Константинополе водрузили бы знамёна и штандарты Её императорского величества Анны Иоанновны. А затем короновали бы её как греческую императрицу.

Такой многообещающий расклад, безусловно, сыграл роль блестящей наживки. Фаворит остался доволен и принял сторону Миниха – защищая его проект, стал склонять императрицу к войне.

Но Остерман, в свою очередь, не сдавался, обстоятельно доказывая на убедительных примерах всю несостоятельность и нелепость этой затеи. В противовес сформировавшемуся тандему Бюрен-Миних, канцлер переманил на свою сторону кабинет-министра Черкасского. Так как после смерти Головкина теперь в кабинете министров было только два человека, и оба они были против войны с Портой, государыне ничего не оставалось, как примиряться с их решением. И вопрос объявления войны пока ею откладывался.

Но Бюрен загорелся одержать победу над канцлером в этом вопросе, во что бы то ни стало! Он уже вообразил массу возможных для себя прибылей от будущей войны. И не желал от них отказываться.

Поразмыслив, фаворит решил, что не плохо бы иметь в кабинете министров «своего» человека, чтобы достойно противостоять упрямому Остерману.

Ему известно было, что Михаил Головкин после смерти отца отчаянно пытался пробиться в кабинет министров. И даже подсылал супругу к императрице с ходатайствами. Но упрямый нрав Головкина-младшего был хорошо известен Остерману; и канцлер, не желая, чтоб этот дерзкий сенатор внёс разлад в его отлаженную годами систему единовластия, отклонил его кандидатуру. Впрочем, Головкин-младший не устраивал и Бюрена; противостоять Остерману – у него кишка тонка.

И тут фаворит радостно озарился – Ягужинский! Ведь не зря же он вызволил его из Пруссии. Вот, кто достойный соперник хитрому Лису! И, если он, Бюрен, сумеет составить Ягужинскому протекцию в кабинет министров, тот не посмеет перечить благодетелю, к тому же против их общего недруга.

Бюрену понадобилась лишь одна содержательная беседа наедине с Анной Иоанновной в её спальных покоях. И приказ о назначении Ягужинского кабинет-министром был благосклонно подписан её царственной рукой.

императорский дворец

Сегодня императрица устраивала раут по случаю чествования нового кабинет-министра. Приглашены были все высокопоставленные чиновники и иностранные послы.

В ожидании приглашения все толпились перед гостевой залой дворца и, переговариваясь друг с другом, напоминали растревоженный пчелиный улей.

Левенвольд позволил себе сделать выпад в сторону Остермана:

– Андрей Иванович. Помнится, когда я встревоженный пришёл к Вам с известием о возвращении Ягужинского в Петербург, Вы уверили меня, что в этом нет ничего страшного. Ну, и что Вы теперь скажете?

Остерман в ответ даже бровью не повёл:

– Скажу, что наш фаворит дорос до игры в шахматы. Поставить Ягужинского кабинет-министром очень неплохой ход. И это значит…

– Что это значит?

– Это значит, что теперь мой черёд ходить!

– И как Вы намерены поступить?

– Прежде всего, не торопиться, друг мой. Шахматы требуют размышления.

– Идёт! – сообщил Левенвольд, указывая кивком головы на Ягужинского.

Новоявленный кабинет-министр размашистой походкой проследовал вперёд; толпа собравшихся гостей расступилась перед ним. Посыпались отдельные поздравления. Ягужин-

ский, принимая их, отвечал кому-то коротким приветливым кивком, кому-то дружеским рукопожатием.

– Павел Иванович, – окликнул его Остерман, когда граф поравнялся с ними, – Примите и мои поздравления.

Тот заносчиво прищурился:

– Весьма лестно это услышать от Вас, Андрей Иванович, зная, что именно Вам в первую очередь неприятно моё нынешнее назначение!! Хоть Вы это так изысканно скрываете!

– Однако, я никогда не скрывал восхищения Вашим прямодушием.

– Это верно! Кажется, вашему последнему восхищению я обязан был должностью посланника к берлинскому двору!! – весело расхохотался Ягужинский и протянул вдруг руку Остерману.

Андрей Иванович ответил уважительным рукопожатием.

Ягужинский столкнулся взглядом с Левенвольдом. И, сделав вид, будто неожиданно вспомнил что-то важное, быстро отвернулся и переключился на нового собеседника.

– Что это? – удивлённо спросил канцлер, – Или мне показалось? Наш новый кабинет-министр предпочёл избежать приветствия с Вами, мой друг?!

– Увы. Признаться, я и сам не горю желанием получать от него приветствия.

– Вот так раз! Что между вами произошло?!

– Так. Небольшой, но прескверный случай, – Рейнгольд поморщился, – Я стал невольным свидетелем их семейной неурядицы.

– Вы ничего мне об этом не говорили.

– Признаться, мне не хотелось бы об этом говорить, – Левенвольд столкнулся с требовательным взглядом Остермана и, покрутив серьгу, нехотя, ретировался, – Ну, да, впрочем, так и быть. Расскажу. Недавно в императорский театр прибыла новая труппа во главе с актёром парижского Итальянского театра Карло Бертинацци. И второго дня мы с Натальей Лопухиной были на постановке. С нами поехали сёстры Трубецкая и Ягужинская.

– И что Вы находите в этих пошлых итальянских постановках? – поморщился канцлер, – Одно дурачество – и только!

– Лично я – ничего. Но дамы без ума от итальянцев.!А княгиня Трубецкая, доложу Вам по секрету, даже завела интрижку с одним из актёров.

– Срам какой!

– По этой причине она с супругом в театр ездить не может. И теперь постоянно просит Лопухину и меня сопровождать её. Наталья в последнее время дружна с Трубецкой. И потакает её прихоти. Но в этот раз с нами напросилась ещё и Ягужинская. И было большой ошибкой взять её с собой.

– Почему?

– Да потому, что её муженёк – ревнивое животное!! Вообразите, он ворвался в гримёрную комнату артистов в то время, когда мы все четверо были там. И устроил погром! Хотя ни Анна Гавриловна, ни я с Натальей Фёдоровной не были уличены им в непристойном поведении, но попасть под горячую руку разгневанному Ягужинскому – это, скажу я Вам, незабываемое событие! Врагу не пожелаешь!

Левенвольд осёкся, заметил, как Остерман, слушая его, вдруг начал тихо и мстительно хихикать.

Двигаясь далее по коридору дворца, граф Ягужинский заметил среди министров и генералов князя Трубецкого, и подошёл ближе:

– Никита Юрьевич.

– Павел Иванович! Примите мои искренние поздравления с новой должностью! – торжественно произнёс тот.

– Благодарю, – отозвался Ягужинский, – Вы приглашены на раут?

– Так точно.

– Есть у меня к Вам один деликатный разговор. Не откажете?

– Извольте.

– Отойдём, – предложил Ягужинский, увлекая князя в дальний угол.

Они уединились за колонной.

– В виду того, что наши жёны приходятся друг другу сёстрами, то и мы, стало быть, с Вами друг другу не чужие, – начал граф, – Я – человек прямой, витиевато высказываться не умею. Поэтому не обессудьте, Никита Юрьевич, но мой Вам совет – приглядите за супругой!!

И, наблюдая полное недоумение в лице князя, решительно взял его под локоть:

– Э-э, да Вы, я вижу, никак не возьмёте в толк, о чём я. Супруга Ваша Настасья Гавриловна, через сестрицу свою, с недавнего времени в подругах у Натальи Лопухиной. Сия особа, как всем известно, не обременена строгостью нравов. И дружба с нею ни к чему хорошему привести не может. Повадились они вечерами в театр кататься к итальянцам.

Трубецкой простодушно повёл плечами:

– Что жена моя ездит в театр с Лопухиной и Левенвольдом, мне известно. Я ей в том не препятствую.

– А известно ли Вам, чем они там занимаются?

– Наблюдают театральные постановки, я полагаю. Нынче это вошло в моду.

Ягужинский укоризненно покачал головой:

– Святая Вы простота! – и тут же спохватился, – Вы только не подумайте, что я сплетничаю! Напротив, я предупредить Вас желаю, во избежание неприятностей!

– Каких?

– А таких! Супруга Ваша не театром увлечена, а итальянским актёром по имени Марио!!

И, видя нарастающее возмущение князя, моментально осадил его:

– Тише, тише! Я оттого имею в том уверенность, что видел всё собственными глазами!

– Вы?!

– Моя Анна Гавриловна недавно, знаете ли, тоже выпросилась с ними в театр. А я, имея скверную привычку никому не доверять, приехал следом, чтобы встретить её после спектакля. А, когда все зрители покинули здание, а моей ненаглядной среди них не оказалось, я разволновался и пошёл искать её в подсобных помещениях театра. И оказался невольным свидетелем отвратительной сцены пребывания всех трёх подруг за кулисами в гримёрной комнате этих комедиантов!

Никита Юрьевич закрыл рукой глаза:

– Боже, какой стыд…

– И, если Лопухина с Анной, в присутствие Левенвольда, лишь фривольно кокетничали с итальянскими актёришками. То Настасья Гавриловна в это время находилась в отдельной комнате наедине с этим…

– Довольно! – вскричал Трубецкой, бледнея и покрываясь испариной.

– Друг мой, держите себя в руках. А то Вы, неровен час, в обморок упадёте.

И Ягужинский подвёл Никиту Юрьевича к окну, распахнул створку, давая доступ свежего воздуха. Видя, что тот отдышался, продолжал:

– Анну-то я вожжами выпорол дома! В театры для неё теперь дорога закрыта раз и навсегда!! Хоть она и клялась меня слёзно, что ничего, кроме кокетства, себе не позволила. И умоляла не выдавать её сестрицу. Ну, да я ей в том слова не давал!! И считаю своей прямой обязанностью Вас, Никита Юрьевич, упредить!

– Благодарю…

– Потому, как на кону фамильная честь и Ваша и моя. Хоть при дворе и позволительно нынче иметь фаворитов, да одно дело, если этот фаворит – влиятельный при дворе вельможа. И совсем другое дело, если это актеришка безродный, всё одно, что холоп!! Вы со мной согласны?

Трубецкой кивнул, еле сдерживая гнев:

– Павел Иванович, кто-нибудь, кроме Вас, знает об этом казусе?

– Могу Вас заверить, Никита Юрьевич, я не обмолвился никому ни единым словом!!

– Благодарю Вас.

дом князя Н. Ю. Трубецкого

Трубецкой примчался домой на взводе. У крыльца стояла приготовленная к прогулке карета, запряжённая парой лошадей.

– Кто распорядился насчёт выезда?! – крикнул разгневанный князь вознице.

– Настасья Гавриловна.

– А ну, распрягай!! И ставь карету в ангар!

– Как же так?

– Говорю тебе, распрягай!!!

– Так ведь барыня велела…

– Где она сама?!

Тот пожал плечами. Но дворецкий услужливо сообщил:

– Княгиня у себя в комнате. Изволят одеваться.

Никита Юрьевич грубо оттолкнул с дороги слугу и устремился бегом по лестнице на второй этаж. И, запыхавшись, ворвался в покои супруги.

Княгиня Трубецкая повязывала перед зеркалом ленту на шляпке. На ней было недавно купленное платье из дама светло-лилового оттенка, отороченное золотым позументом. На шее и на запястьях сверкали фамильные бриллианты. Над верхней губой призывно красовалась мушка в виде сердечка. В комнате стоял душный запах разбрызганного французского парфюма.

– Далеко ли намереваетесь отбыть, Настасья Гавриловна? – вызывающе заявил супруг прямо с порога.

Она даже не обернулась, старательно поправляя шёлковый бант на шее:

– Вы разве позабыли? Я давеча извещала Вас, что нынче вечером еду в театр.

– Ах, в театр?! Так вот! Никуда Вы не едете!!!

Трубецкой принял решительную позу. Супруга с насмешливым недоумением обернулась:

– Что?

– Я сказал, Вы останетесь дома!

– Никита Юрьевич, что на Вас нашло, право?

– На меня?! – рявкнул он, покрываясь багровыми пятнами, – Я Вам сейчас объясню!

– Уж будьте так любезны. И покороче. Меня ждёт карета.

– Уже не ждёт. Я распорядился распрячь лошадей.

Настасья Гавриловна впервые за время диалога взглянула на супруга внимательно:

– Что это значит?

– Это значит, что отныне Вы не ездите в театр!! Ни с Лопухиной, ни с кем бы, то не было другим!!

– Какая муха Вас укусила?

– Учтите! Мне всё известно!!

– Теряюсь в догадках. Каким именно известием Вы хотите похвастать?

– А таким, чем занимается моя жена после спектакля в актёрской уборной!!!

Настасья Гавриловна скривила губы:

– Фи. Как это скверно с Вашей стороны слушать сплетни.

– Скверно давать повод подобным сплетням!!

– Я не желаю участвовать в этом разговоре, так как нахожу его оскорбительным, как для себя, так и для Вас, – манерно заявила супруга и пошла из комнаты прочь.

Трубецкой бросился за ней:

– Стойте! Я же сказал, что не отпускаю Вас!!

Она даже не оглянулась:

– Ах, оставьте! Никита Юрьевич. Будто я не понимаю, чьими словами Вы сейчас говорите. Это Ягужинский напел Вам про то, как он держит в строгости жену. Да ведь он дикарь! Хоть и носит графский титул, а как был простолюдином, так и остался. Вам ли на него равняться? Ведь Вы – потомственный князь!

– Да, я – князь! И я не допущу, чтоб Вы порочили моё имя!!

Настасья Гавриловна остановилась перед лестницей, обернулась и брезгливо усмехнулась ему в лицо:

– О, господи! Что-то я не припомню Ваших радений о княжеской чести, когда Иван Долгоруков пьяный ночевал в нашем доме. Вы предпочитали тихонечко отсиживаться в своей комнате и делать вид, что ничего не происходит.

– Замолчите!!! – Трубецкой побагровел до корней волос и затрясся.

– Что это с вами? – насмешливо спросила княгиня, – Уж не хотите ли Вы меня побить, как Ягужинский Анну?

– Я прошу Вас замолчать!!

– Да бросьте валять дурака. Вы меня и пальцем не тронете. И не потому, что Ваша княжеская честь будет тому причиной. А потому, что Вы попросту тряпка.

Она не договорила – Трубецкой сорвался и отвесил ей звонкую пощёчину.

Супруга опешила. Никита Юрьевич тут же перепугался и схватил её за руку:

– Господи, Настасья Гавриловна… Настенька. Простите меня! Сам не знаю, как это случилось.

– Отпустите меня!! – она попыталась высвободить руку, – Вы жалкий, ничтожный человек!

– Ну, что Вы такое говорите. Я виноват. Я вспылил. Не удержался. Не сердитесь, душа моя.

– Пойдите вон! Я Вас презираю!

Она со всей силы выдернула руку из его пальцев. Вдруг оступилась на краю лестницы и, не сумев удержать равновесия, нелепо взмахнула руками и…

Никита Юрьевич в полном оцепенении увидел, как супруга кубарем скатилась вниз, несколько раз перевернувшись, и замерла внизу, распластавшись в нелепой позе.

– Настя…. Настенька…, – он на негнущихся ногах сбежал вниз, присел, приподнимая ей голову, – Ты жива? Посмотри на меня… Скажи что-нибудь…

Но голова её безвольно запрокинулась. Княгиня не подавала никаких признаков жизни.

– О, господи. О, господи. О, господи! – беспрестанно повторял Никита Юрьевич, теребя в руках безжизненное тело.

На шум вошёл дворецкий. И застал страшную картину – сидящего на полу хозяина, сжимающего в руках супругу.

– Макар. Что с ней? – дрожащими губами спросил его Трубецкой, – Неси соль. Зови доктора!

– Поздно, барин. Не дышит, – определил слуга, – Преставилась.

– Как это?! – пробормотал он, холодея, – Не может быть! Доктора зови, говорю тебе!!

– Вы уверены, Ваша светлость? – осторожно переспросил слуга, приподнимаясь, – А что Вы ему скажете? Что повздорили и княгиню с лестницы толкнули?

Трубецкой в сердцах огрел его по затылку:

– Ты что мелешь, скотина?! Как у тебя язык повернулся?!

– Так весь дом слышал, как вы ругались.

Никита Юрьевич обмяк и прильнул спиною к стене:

– Вот что, Макар… Не надо доктора. Беги к графу Ягужинскому. Проси, чтоб немедля ехал сюда!! Да не болтай лишнего!

Граф Ягужинский налил в бокал вина и протянул Трубецкому:

– Выпейте. Вам надо успокоиться.

– Павел Иванович, я не трогал её, – стонал тот, – Лишь хотел удержать. Она выдернула руку и оступилась… Всё случилось так стремительно. Я не успел ничего сделать. Вы верите мне?

– Верю, Никита Юрьевич, верю.

– Что делать теперь?! А?

Тот заботливо положил ему руку на плечо:

– Успокойтесь. Я что-нибудь придумаю, – он напряжённо наморщил лоб, – Вот что. Давайте-ка перенесём княгиню в спальню.

– Не могу. У меня ноги подгибаются.

Ягужинский кликнул дворецкого:

– Макар. Помоги мне.

Они вдвоём подхватили тело княгини и уволокли его в комнату, уложили в кровать. Ягужинский спустился вниз:

– Никита Юрьевич, будьте дома. Ни с кем не разговаривайте. Я скоро.

Спустя пару часов Ягужинский возвратился в сопровождении некоего господина в суконном кафтане и с врачебным саквояжем. Представил его хозяину, как доктора Нейца. Тот бегло осмотрел тело усопшей княгини, что-то убедительно проговорил на немецком. И подписал бумагу.

– Что он говорит? – спросил шёпотом Трубецкой.

– Мужайтесь, мой друг, – сочувственно ответил Ягужинский, – Доктор заключил, что у княгини случился сердечный приступ, что послужило причиной внезапной смерти. Вот подтверждающий документ.

Доктор захлопнул саквояж и откланялся. Трубецкой, не веря в происходящее, вперил в Ягужинского растерянный взор:

– Сердечный приступ?!

– Да, – уверенно подтвердил тот, – Это мне стоило четыре сотни рублей. Постарайтесь возвратить их мне, как только придёте в себя после похорон. И мой Вам совет – увеличьте жалование дворецкому. И поощрите прислугу, что были нынче в доме.

– Непременно!! – пробормотал Никита Юрьевич, – Но… Как Вам это удалось?!

– Мне пришлось прибегнуть к помощи одного очень влиятельного лица.

– Кого?

– Вы уверены, что хотите это знать?

– Да.

– Графа Бюрена.

Внезапная смерть княгини Трубецкой всколыхнула двор и вызвала волну сочувствия и скорби. Многие отметили, что семейство Головкиных, будто преследует злой рок; в прошлом

году скончался старший сын Иван (будучи посланником при Голландском дворе), в разгар подготовки к празднику по случаю взятия Данцига умер скоропостижно отец Гаврила Иванович Головкин. И вот теперь опять внезапно «от сердечного приступа» преставилась младшая дочь Настасья.

Анна Гавриловна Ягужинская горько оплакивала смерть сестры. Наталья Лопухина заботливо опекала подругу, слёгшую без сил от такого большого количества утрат. На старших дочерей Ягужинского – Прасковью и Анастасию – легли заботы о младших детях семейства, а так же о малолетних племянниках – братьях Трубецких. Петька был отпущен директором из Рыцарской Академии в отпуск на месяц.

Сам Никита Юрьевич, оставшись вдовцом в тридцать шесть лет, болезненно переживал кончину супруги, и не мог находиться в доме, где случилось несчастье. Он выпросил у государыни позволения на время отбыть из столицы в Москву (где у него было имение) и до конца лета отстраниться от придворных дел.

Рыцарская Академия

В преддверии праздника Пасхи Голицын приволок из библиотеки увесистую книгу, между страниц которой он с лета предусмотрительно засушил цветочные бутоны, и вот уже второй час аккуратно раскладывал их в письма, адресованные своим воздыхательницам.

Друзья над ним посмеивались:

– Вот ты неутомимый щегол!

– Митяй, ты работаешь, как почтовая контора!

– Почтальону придётся приехать сюда с тележкой; иначе твои послания не унести!!

– И откуда у тебя их столько?!

– А вам не кажется, друзья, что он просто шлёт их всем подряд, без разбору?

– Ой, вам лишь бы позубоскалить! – огрызнулся Митяй, выводя чернилами имя очередного адресата.

Лопухин подошёл ближе и прочёл надписи на запечатанных письмах:

– Горчаковой Лизе, Салтыковой Марии, Путятиной Анне, Путятиной Наталье, Гагариной Дарье, Гагариной Екатерине…, – Ванька не удержался от смеха, – Господи! И, правда, всем подряд!… Черкасской Варваре… Ого! Юлианне Менгден?!… А где же Анне Леопольдовне? Неужели ты не поздравишь Её высочество с Пасхой? Как это не любезно с твоей стороны.

– Хватит!! Дай сюда! – психанул Митяй, отнимая у него письма.

Он закончил писать, пересчитал письма, загибая пальцы, и озадаченно произнёс:

– Один цветок остался. Могу подарить. Эй! Кто-то хочет поздравить с Пасхой подружку? Микура, может ты?

Василий, который пришивал пуговицу к мундиру, скептически дёрнул плечами:

– Мне некому слать цветы.

– А, может быть, кому-нибудь в дальние края? – намекнул Митяй, заговорщически подмигивая.

Микуров рассердился. Ещё не хватало, чтоб этот балабол сейчас брякнул при всех что-нибудь про Данциг. И Василий сурово взглянул на Голицына:

– Матушке я уже письмо отправил.

Тот намёк понял:

– Ну, как хочешь? – и переключился на Ивана, – Лопух! А ты?

– Что я?

– Отправь послание Катеньке Ушаковой. Помнится, она так обхаживала тебя на прошлом балу в Петергофе.

– Вот ещё! – окрысился Лопухин, – Что я, самоубийца, что ли?!

Митяй помахал плоским засушенным цветком, будто веером, и решил:

– А! И ладно. Сам подпишу Катюше. Уверен, ей будет приятно.

Лопухин фыркнул:

– Я же говорил! Он шлёт всем подряд, без разбору!!

апартаменты принцессы Анны Леопольдовны

– Фрейлина Менгден! Вам письмо, – доложил дворецкий.

Она отошла к окну. Аккуратно ножом срезала печать – внутри сложенного вчетверо бумажного листа покоилась засушенная веточка шиповника с розовым бутоном.

Юлия невольно улыбнулась; интересно, кому пришла в голову такая забавная идея? Она развернула лист и прочла короткую строчку Шекспировского сонета: *«О, как я дорожу твоей весною. Твоей прекрасной юностью в цвету».* В самом низу листа стояла подпись – «Дмитрий Голицын».

Юлия оторопела и вдруг почувствовала, как вспыхнули щёки; новость, что Голицын прислал ей письмо, несказанно обрадовала её и взволновала.

Она осторожно поднесла к лицу засушенный цветок; ей почудилось, что он ещё хранит запах прошлогоднего лета. В памяти сами собой возникли картинки летнего сада в Петергофе. Солнечные лучи сквозь кроны деревьев. Брызги фонтана. Домик Монплезир на берегу финского залива. И голос Голицына, его взгляд, улыбка и робкое прикосновение его руки…

В голове всё закружилось вихрем от нахлынувших воспоминаний. И Юлия поспешила к принцессе. Ей не терпелось показать письмо и поделиться радостью.

В комнате перед дверью, ведущей в спальню Анны Леопольдовны, толпились фрейлины. Они встали в кружок, обсуждая утреннюю почту, и делились друг с другом новостями. Видимо, в праздничный день Пасхи, новости были приятные, а письма изобиловали поздравлениями, поэтому девицы хихикали и шумели.

Их веселье внезапно пресекла появившаяся мадам Адеракс:

– Чего разгалделись? – строго прикрикнула она, – Её высочество ещё не проснулась. Так что ступайте в гостиную!! Живо!

Фрейлины вмиг умолкли и, будто стая пташек, упорхнули, шурша платьями, прочь. Последняя, вскочив с кушетки, выбежала Катенька Ушакова. И Юлия заметила, как на бархатной обивке остался лежать белый бумажный прямоугольник.

– Катя! – окликнула она её.

Но Ушакова уже скрылась в гостиной, прикрыв за собою дверь.

Юлия подняла листок, намереваясь вернуть фрейлине, и из него вдруг выскользнул плоский высушенный цветок шиповника. В первую минуту её кольнуло лёгкое недоумение. Как это странно; должно быть, нынче вошло в моду – пересылать друг другу засушенные растения?

Она не удержалась от любопытства и раскрыла бумажный листок… Ощущение, которое она испытала, увидев надпись внутри, было равносильно тому, как если бы над ней вдруг обрушился потолок.

Ушакова, обнаружив пропажу, тут же вернулась.

– Ты обронила, – промямлила Юлия, протягивая ей листок бумаги и сухой цветок.

– Спасибо! – обрадовалась она и, схватив то и другое, умчалась назад хвастаться подружкам.

Юлия осталась одна. В глубоком разочаровании она вынула из манжета своё письмо и порвала его на мелкие-мелкие кусочки. Затем подошла к окну, распахнула створку и вытряхнула их во двор.

загородная царская резиденция Петергоф

По заведённой традиции, в июле императрица на несколько недель переезжала за город – в Петергоф. Она брала с собой непременно всё семейство Бюрена; без него она вообще не обходилась. Так же с нею ехали фрейлины и статс-дамы, чтоб развлечь императрицу сплетнями и интересными беседами. Разумеется, камердинеры, пажи, доктор, секретарь. А ещё весь штат шутов и карликов – без них государыня скучала. А вот племянницу Анну Леопольдовну и сестрицу Елизавету она оставляла в Петербурге; видимо, общество той и другой было ей в тягость.

Переезд занимал целый день с непременным отдыхом и обедом в Стрельне или на одной из дач кого-то из придворных.

В этом году Анна Иоанновна решила разнообразить маршрут: добралась в шлюпке до Екатерингофа, далее до большой Петергофской дороги изволила идти пешком. А там уже пересела в карету. За нарядной процессией экипажей с дамами и кавалерами двигался целый «поезд» с грузчиками и ломовыми извозчиками, доставлявшими из одного дворца в другой мебель, посуду и всю обстановку.

В Петергофе государыня охотилась, иногда выезжала оттуда в соседний Ораниенбаум, плавала на лодках в Кронштадт. В главной императорской резиденции тем временем продолжалось благоустройство паркового ансамбля. Архитектор Растрелли-старший проектировал и сооружал фонтаны с позолоченными свинцовыми фигурами.

Находясь в загородной резиденции, Анна Иоанновна желала отдохнуть от государственных забот и требовала не беспокоить её по маловажным делам. Однако совсем устраниться от дел не получалось: кабинет-министры регулярно приезжали, докучая ей с докладами, доношениями и челобитными. То и дело наведывались из Петербурга чиновники и царедворцы, так как считали себя обязанными нанести императрице визит вежливости.

Устав от этих бесконечных визитов, государыня отдала приказ о регламентации потока гостей: приезжать всем только по воскресеньям и четвергам! А в иные дни только в исключительных случаях самой крайней нужды.

Но, поскольку в приказе не была чётко определена мера этой «самой крайней нужды», гости так и продолжали паломничество в загородную императорскую резиденцию.

И тогда Анна Иоанновна, чтоб хоть частично отвадить непрошеных гостей, велела селить их по двое в комнату и больше двух слуг с собой не брать. Кормить согласно распорядку. А в иное время ни кушанья, ни вина, ни кофе, ни чаю, одним словом, ничего – не давать!

загородная царская резиденция Петергоф

Остерман был, разумеется, осведомлён о желании государыни поменьше видеть министров в период её летнего отдыха. И размышления об этом натолкнули его на мысль, какой именно сделать ответный ход Бюрену в отместку за то, что тот ввёл Ягужинского в кабинет министров.

Канцлер приехал в июле в Петергоф, согласно предписанию, в четверг и позаботился о том, чтоб привезти на подпись государыни как можно больше различных бумаг.

В ходе обсуждения насущных дел и подписания многочисленных приказов, у Анны Иоанновны затекла рука. И государыня не преминула пожаловаться:

– Андрей Иванович, не даёшь ты мне совсем отдыхать! Замучил своими бумажками!!

– Что поделать, матушка? Дела ждать не могут. Доносы требуют разбирательства. Без тебя мы все, точно слепые котята. Кто же нас, неразумных, наставит на путь истинный, рассудит по совести, пожурит или похвалит, кроме Вашего императорского величества?

– Льстишь мне, старая ты лиса! – рассмеялась Анна Иоанновна, – Так уж не можете? Вот хоть взять, к примеру, этот случай (она оторвалась от подписи и поднесла бумагу канцлеру) с кражей на суконном складе. Что тут неясного? Вор пойман – наказывайте! Нешто я воров

покрывать стану?… Или вот прошение о назначении лекаря в штат Петропавловской крепости. Коли Ушаков выбрал этого, как его там, Прокофия Серебрякова, так пусть и берёт!! Ему видней!

Остерман робко пожал плечами:

– Верно рассуждаешь, матушка. Есть огромное количество дел простых, да обыденных, и недостойных того, чтоб отнимать твоё драгоценное время. Ну, да кто дерзнёт приложить к делам мерило, чтоб определить степень их важности?

– Вот тебе и раз!! А вы у меня на что?! – всплеснула руками императрица, – Министры? Советники? Лично ты, Андрей Иванович?

– Лично я всегда готов услужить Вашему императорскому величеству.

– Так услужи!

Бюрен, который сидел у окна и тонкой стальной пилочкой шлифовал свои ногти, приподнял настороженно бровь. Начавшийся простодушно, разговор приобретал неожиданный поворот.

– Правильно ли я понял тебя, матушка? – смакуя слова, произнёс канцлер, – Стало быть, ты возлагаешь на меня ответственность, разбирая дела, определять степень их важности и доставлять к тебе на подпись лишь те, что заслуживают твоего императорского внимания?

– Так и есть, – подтвердила государыня.

– Но как поступить с теми делами, что я сочту недостойными внимания моей государыни? Чьей подписью их стоит завизировать?

– Ну, так и завизирую своей, – простодушно ляпнула Анна Иоанновна.

Бюрен вскочил. И прокатившиеся желваки по широким скулам фаворита сейчас убедительно говорили о том, что он костьми ляжет, но не допустит, чтоб канцлер вдруг заполучил право императорской подписи! Остерман это, разумеется, предвидел, но, пользуясь случаем, не отказал себе в удовольствии позлить фаворита.

– Это великая честь для меня.

– Это и в самом деле слишком великая честь!! – не удержался Бюрен, включаясь в разговор, – И слишком большая ноша ответственности для одного человека!

Таким образом, он намекал Анне на то, что готов разделить это бремя с канцлером. И именно *его* виза должна быть там, где требуется заменить подпись государыни.

Но Остерман не дал государыне опомниться:

– Граф Бюрен совершенно прав! – воскликнул он, – Таковые решения следует принимать коллегиально… всем кабинетом министров. И тогда совершенно справедливо можно три подписи кабинет-министров приравнять к подписи Вашего императорского величества.

– Отлично! – обрадовалась Анна Иоанновна, – Быть по сему!

Бюрен был ошарашен. В считанные минуты он проиграл, пожалуй, одну из самых важных привилегий. Остерман бесцеремонно оттеснил его широкой ладонью от кормушки, как малолетнего щенка!

– Но…, – попытался он гневно прорваться в диалог, скоропалительно подбирая в голове доводы против подобного решения.

– Господин граф, надеюсь, у Вас нет повода не доверять составу кабинета министров, в особенности, с тех пор, как в их числе самый преданный из вельмож – Павел Ягужинский? – залепил ему мстительно Остерман.

Бюрен тут же осёкся и засопел. Анна Иоанновна доверительно обернулась к нему:

– В самом деле, Эрнст. Ты ведь не сомневаешься в честности и преданности наших кабинет-министров?

– Ничуть, – с трудом выдавил из себя фаворит, украдкой испепеляя взглядом Остермана. Он ещё в глубине души лелеял надежду, что после того, как тот уберётся прочь, он сумеет вразумить Анну и заставить её переменить решение. Но его опять ждал сюрприз.

– В таком случае, не станем откладывать дела в долгий ящик, – сообщил Андрей Иванович и вынул из рукава кафтана свиток подготовленного заранее проекта приказа.

Распластал бумагу на столе, внёс туда некоторые поправки и подсунул на подпись государыни. Фаворит успел лишь нервно дёрнуть щекой, как Анна Иоанновна размашисто поставила свой вензель.

Уходя, Остреману казалось, что он явственно слышит скрежет зубов Бюрена ему в спину.

– Это Вам за Ягужинского, господин фаворит! Шах и мат! – произнёс сам себе Андрей Иванович, усаживаясь в карету. И, довольный собой, он мстительно улыбался всю обратную дорогу в Петербург.

Летний императорский дворец

Анна Леопольдовна после отъезда императрицы в Петергоф, осталась одна со своим штатом прислуги в летнем дворце, предоставленном ей в отсутствие императрицы в полное распоряжение.

Летний дворец располагался на берегу Невы с адмиралтейской стороны на стыке рек Мойки и Фонтанки. Это было старое одноэтажное здание с огромными окнами, похожими на витрины. Если проплывать мимо на лодке по Неве, то можно было через эти окна отчётливо рассмотреть и обстановку комнат дворца и их обитателей. Поэтому Анна, которая не любила публичности, выбрала для себя апартаменты с окнами, выходящими в сад.

Но, тем не менее, принцессе нравилось жить в летнем дворце оттого, что Летний сад был в непосредственной близости, и прямо в окно можно было наблюдать гуляющих, угадывая среди них приятных и милых сердцу особ. И самой выходить на прогулки в любое время, как только пожелается.

Лишившись тётушкиного надзору, принцесса почувствовала себя намного свободнее, и в очередной раз, собираясь прогуляться после обеда по Летнему саду, осмелилась обратиться к воспитательнице с просьбой:

– Мадам Адеракс, не могли бы Вы во время прогулки держаться не так близко?

– Что Ваше высочество имеет в виду?

– Понимаете, Ваше постоянное присутствие с фрейлинами у меня за спиной вынуждает меня к мысли, что вы всё время подслушиваете. Это невероятно раздражает и ставит меня в неловкое положение перед собеседниками.

– Простите, Ваше высочество, но у меня есть чёткое распоряжение от Её величества неотлучно сопровождать Вас всюду, за пределами дворца, держа в поле зрения. Я не могу ослушаться императрицу.

– Но, если мы с Вами будем гулять по соседним дорожкам сада, Вы ведь сможете держать меня в поле зрения?

– Да, – будто бы нехотя подтвердила Адеракс.

– Вы ведь не думаете, что я сбегу?

– Надеюсь, что нет.

– Вот и отлично! Сегодня гуляем по разным дорожкам.

– Ваше высочество намерена гулять в одиночестве?

– Со мной будет Юлия.

Летний сад

В саду, как и было условлено, им встретился Мориц Карл Линар, и был любезно приглашён принцессой, чтоб сопровождать их с Юлией во время прогулки.

Мадам Адеракс, выполняя данное Анне обещание, со стайкой фрейлин держались на почтительном расстоянии, прогуливаясь по иным дорожкам, нежели принцесса так, что иногда, расходясь на приличное расстояние, они могли видеть друг друга лишь издали. И, разумеется, не могли не только слышать, но и догадываться о чём говорит саксонский посланник с Анной Леопольдовной.

Линар, пользуясь возможностью, сыпал комплиментами и читал на французском языке стихи поэтов, которые в России считались безнравственными, и запрещались к печати и переводам. Анна с Юлией слушали, смущённо краснели, хихикали и просили прочесть ещё.

Адеракс, наблюдая за ними, размышляла, какие же ей ещё следует предпринять шаги по сближению принцессы с саксонским посланником? Ясно, что подобные прогулки на виду у придворных более, чем невинны, и они не могут привести к тому, чтоб принцессу заподозрили в распутстве. Надо, чтоб у Анны с Линаром появилось желание встречаться наедине. Впрочем, желание-то есть, надо, чтоб была возможность. То, что принцесса одержима этим галантным красавцем, понятно без слов. Анна не слишком умна, капризна и нетерпелива в желаниях. К тому же далека от рассуждений о целомудрии. Но есть одно препятствие – Юлия! Она мудра и осторожна. И имеет огромное влияние на принцессу. Если бы не Менгден, принцесса давно бы уже влипла в неприятную историю, не с Линаром, так с кем-нибудь другим. И Адеракс даже не пришлось бы ей в этом помогать!

Влияние девицы Менгден на принцессу надо ослабить. Но как? Она – любимая фрейлина. Даже подруга. И это не так-то просто. Но, в конце концов, даже между самыми близкими подругами всегда может пробежать кошка…

Вечером, когда принцесса готовилась ко сну, гофмейстерина позволила себе высказаться:

– Ваше высочество, я сегодня на протяжении всей прогулки неукоснительно выполняла Ваше требование – держаться на расстоянии. Но впредь такое недопустимо.

– Почему?! – капризно возразила Анна, – Мы с Юлией нынче прекрасно провели время в обществе господина Линара.

– В послеобеденное время летний сад переполнен гуляющими вельможами. И то, что Ваше высочество находится на прогулке без свиты, может вызвать толки. Найдётся кто-нибудь из доброжелателей, кто сообщит об этом императрице. Вы навлечёте гнев государыни, а я могу лишиться места.

– Господи! Это невыносимо!! – воскликнула принцесса, – Я живу, как в заточении! Не могу ни прогуляться, ни поговорить, с кем хочу!! Должно быть, за узниками Петропавловской крепости надсмотрщики и те меньше приглядывают!

И она накрылась головой с одеялом, показывая, что обиделась и не желает более разговаривать.

Мадам Адеракс выждала время и вкрадчиво спросила:

– Ваше высочество, могу я Вам дать совет?

Она откинула одеяло, но выражение её лица говорило о том, что она продолжает дуться:

– Какой ещё совет?

Воспитательница наклонилась ближе и перешла на шёпот:

– При европейских дворах влиятельные дамы делят прогулки на официальные и интимные, – выдержала паузу и пояснила, – Официальные прогулки совершаются на виду у придворных, в специально отведённое для этого время, сообразно всем правилам дворцового этикета. А интимные прогулки проходят в иное время, вдали от придворных глаз. И приглашаются на них лишь избранные.

У Анны невольно приоткрылся рот:

– Вы имеете в виду… свидания?!!

– Я этого не говорила, – уклончиво ушла она от ответа.

– И Вы могли бы меня отпустить на… такую интимную прогулку?!

Она сделала вид, что размышляет:

– Я могла бы Вас сопровождать туда. Но уже без штата фрейлин, – выдержав паузу, предложила Адеракс.

– Это правда? Вы не шутите? – Анна подпрыгнула в постели и захлопала в ладоши, – Вот здорово!!

– Но при одном условии, что Вы пообещаете мне вести себя благоразумно.

– Конечно! Вы можете быть покойны; ведь со мной будет Юлия.

– Юлия? – нахмурилась мадам Адеракс, – Но, чем меньше людей будут осведомлены о Ваших интимных прогулках, тем надёжнее они сохранятся в тайне.

– Но Юлия – моя лучшая подруга! У меня нет от неё тайн.

– А у неё от Вас?

Анна неожиданно задумалась. В последнее время ей, и вправду, казалось, что Юлия чем-то удручена, но, поскольку фрейлина ничего не говорила, Анна решила, что причиной тому её переменчивость настроения или головная боль.

– Ваше высочество, не откажите мне в просьбе, – прервала её размышления мадам, – Не говорите фрейлине Юлии о том, что это я предложила Вам идею интимных прогулок.

– Почему?

– Она может истолковать это превратно. И это бросит тень на мою репутацию.

– Если Вы уверены, что это бросит тень на Вашу репутацию, то почему Вы мне это предложили?

– Простите, Ваше высочество. Возможно, я вижу то, чего другие не замечают. И моё сердце вовсе не каменное.

Рыцарская Академия

Петька Трубецкой вернулся из отпуска сияющий от счастья. И, пряча от приятелей глаза, виновато пробормотал с порога:

– Уверен, что вы имеете полное право меня осудить. И будете совершенно правы. Поскольку печальные обстоятельства, случившиеся в нашей семье, обязывают меня к скорби. И уж конечно, никак не позволяют допускать мыслей, не связанных с молитвами об упокоении души моей несчастной матушки на небесах. Но…

– Да говори уже! – не выдержал Лопухин.

– Это был самый счастливый месяц в моей жизни!!! – выпалил Петька, не в силах сдержать радости, – Хотя, поверьте, мне невероятно совестно в этом признаться, так как все эти дни, так любезно предоставленные директором в качестве отпуска, мне надлежало плакать и скорбеть.

– Будет кружева-то плести! – одёрнул его Митяй, – Труба! Мы верим, что ты ежедневно плакал и скорбел. И мы все одновременно плачем и скорбим с тобой. А теперь рассказывай!!

Трубецкой уселся на кровать и, покрываясь румянцем, пустился в сказ:

– После того, как папенька отбыл в московское имение, я остался с младшими братьями. Анна Гавриловна слегла. И тогда княгиня Лопухина предложила Анастасии забрать младших брата и сестёр и переехать на время к нам в дом. Вообразите! Мы вдвоём с Анастасией оказались полноправными хозяевами нашего дома на целый месяц!

– Не считая пятерых детей.

– Они были совсем не в тягость! К тому же нянька нам помогала. Но главное не это! Понимаете, я, будто был хозяином большого семейства, а Анастасия – моей супругой.

– Что? Взаправду?! – хохотнул Голицын.

Микуров строго показал ему кулак.

– Это, конечно, была игра! – смутился Петька, – Но я чувствовал себя по-настоящему счастливым. Представьте, я просыпался утром, надевал поверх камзола стёганный шёлковый халат и спускался к завтраку, совсем, как мой отец. Анастасия говорила мне «Доброе утро, Петруша» и позволяла целовать себя в щёку.

– Ну, вы отчаянные! – саркастично прокомментировал Митяй, но получил локтем в бок от Микурова и умолк.

– Затем я просматривал свежие газеты. Мы обменивались планами на день, обсуждали, что нам следует сделать, куда пойти. Как взрослые! После завтрака мы выходили с детьми в сад. Я выносил мольберт, краски и писал портреты Анастасии. А она сидела тихо и смотрела на меня трогательным взглядом.

– Счастливый ты, селезень.

Мальчишки, отложив дела, окружили Петьку и, усевшись в кружок, внимательно слушали.

– Да… Однажды я смастерил мальчишкам змея. И мы запускали его на лужайке. Было так весело! Анастасия качала маленьких Анну и Марию на качели. Пока я возился со змеем, украдкой поглядывал на неё. А она – на меня. И, когда наши взгляды встречались, у меня в душе скрипки звучали… Непередаваемо.

Голицын собрался было вновь что-то сдерзить, но Василий ласково прижал его к себе и зажал ему ладонью рот.

– А вечерами мы собирались все вместе в гостиной у камина. И читали вслух. Или Анастасия играла на клавесине и пела. В такие минуты мне хотелось плакать.

– Отчего?

– Я вдруг подумал, почему отец и маменька никогда не проводили с нами время вот так? Сколько я помню, отец всегда был занят при дворе. Матушка озабоченная делами, чаще всего вверяла нас нянькиным заботам, – он поднял взгляд на друзей, – У вас тоже было так?

Все задумались и умолкли. Митяй вывернулся, наконец, из крепких рук Микурова:

– Ну, можно, теперь уже я скажу?

– Говори.

– Я вот плохо помню своего отца. Он умер, когда мне было девять лет.

Василий изумился:

– Ты никогда не рассказывал.

– А что с ним случилось?

– Мы ехали в свите императрицы из Измайлова в Москву, – начал вспоминать Голицын, – Наша карета ехала в авангарде, в ней были матушка с отцом и я со старшим братом Александром. И вот, в месте преодоления крутого каменистого оврага, лошади вдруг встали и, будто почуяв опасность, не желали двигаться дальше. Кучер стал нещадно хлестать лошадей. Те взбрыкнули, заелозили… И вдруг снег с песком под колёсами стремительно обрушился. Отец в спешке вытолкнул матушку и нас из кареты. И мы, зацепившись за снежные края обрыва, чудом уцелели. Сам же отец не успел и рухнул в овраг вместе с каретой на острые камни. В моей памяти на всю жизнь осталась жуткая картина летящей вниз кареты, которая достигнув дна, рассыпается, точно карточный домик.

– Сколько прошло с тех пор лет?

– Уже пять.

– Мой отец тоже умер пять лет назад, – сказал Микуров.

– А твои родители дружно жили?

Василий грустно улыбнулся:

– Матушка никогда не любила отца. Она из боярского роду Стрешневых. А он – шкипер из мелкопоместных дворян. Их царь Пётр поженил, решив таким образом наградить отца за победу в Эзельском сражении. Вся матушкина родня была не рада этой свадьбе, но про-

тивиться царской воле не осмелились. Матушка отца всю жизнь стыдилась. И слова доброго о нём ни разу не вымолвила. Хоть он и военные заслуги имел. И чин генерал-майора. И пять лет московской навигацкой школой заведовал.

– Ты извини, – встрял в его речь Иван, – Но от Василисы Ивановны и про тебя никто слова доброго не слышал! Даже, когда ты из польского похода победителем вернулся!

– Да. Она такая. Терпеть не может того, что против её воли делается.

– Ну, а про моих отца с матерью я и говорить не буду, – буркнул Лопухин, – Сами всё знаете. Бергер! Твоя очередь.

– Моих отца и мать поженили их родители. Они с раннего детства были помолвлены по договорённости отцов, с целью объединить два дворянских поместья в одно. Не знаю, что сказать. В нашем доме не принято говорить о любви. Живут они дружно. Наверное, счастливы.

– Тебе, небось, тоже невесту родители уже припасли?

– Пока нет. Но я не забочусь об этом. Когда мне исполнится восемнадцать, родители найдут мне подходящую невесту.

– Вот ты мохнатый гусь! И всё-то у тебя наперёд предрешено.

– Да, ну! Тоска зелёная! – возразил Голицын, – Мало ли, кого родители выберут! А вдруг, крокодила какого-нибудь? А тебе с ней жить!

– А я твёрдо решил, что женюсь только на Анастасии! – заявил Петька, – У нас получится замечательная семья.

дом графа П. И. Ягужинского

Тем временем Наталья Лопухина с дочерью Настасьей навещала подругу Анну Ягужинскую. И, пока матери беседовали в гостиной, дочери, уединившись в детской, делились своими девичьими секретами.

– Ну, расскажи, как вы жили с Петром в доме у Трубецких! Я сгораю от любопытства! – пристала Настасья, – Воображаю, как это было романтично!

– Ага, – скептически фыркнула Анастасия, – Так романтично, что я уж подумывала, как бы его придушить!!

– Петьку?! За что?

– Я и не догадывалась, что он такой зануда! Когда мы оказались в доме, предоставленные самим себе, я обрадовалась. Свобода! Никакого родительского надзора! Полагала, оставим малышей няньке, а сами будем спать до обеда! Есть пирожные! Дурачиться в саду, играть в догонялки, в прятки. Кататься на лодке по Мойке. Ночами сидеть на веранде и рассказывать страшные истории.

– И что?

– А он вдруг со всей серьёзностью взялся играть в семью!! – Анастасия закатила глаза, – Нарядился в турецкий халат. Читал за завтраком газеты и высокопарно рассуждал о том, как нам воспитывать детей, какие книги читать и на какие темы вести беседы.

– Да, ну!

– Днём я вынуждена была сидеть в саду истуканом, потому что он писал мои портреты! Или качать в корзине сестрёнок в то время, как он носился с мальчишками по лужайке, запуская воздушного змея. Вечерами собирал нас всех у камина и заставлял меня музицировать. Или слушать бесконечно какую-нибудь наискучнейшую книгу! И где только он их брал?!

– Могу себе представить.

– Признаться, по началу, меня всё это забавляло. День. Или два… Особенно было забавно встречать его по утрам в столовой и говорить «Доброе утро, Петруша». И подставлять щёку для поцелуя.

– Ой…

– Но, когда это повторялось изо дня в день, одно и то же – вторую неделю, потом третью! Это становилось просто невыносимо!! Я ежедневно молила господа о том, чтобы маменька поскорей поправилась, и я смогла бы вернуться домой, и жить своей прежней жизнью.

Та обняла подругу и пожалела:

– Бедняжка.

– Знаешь, Настя, я твёрдо решила – на за что на свете замуж не пойду! Скука смертная!!

апартаменты принцессы Анны Леопольдовны

Аня отложила в сторону вышивание и неожиданно пожаловалась Юлии:

– Как же мне наскучили эти прогулки под пристальными взглядами придворных, где я всё время должна думать о том, как я выгляжу и что говорю! И где постоянно целая свита фрейлин во главе с мадам Адеракс дышит мне в затылок и ловит каждое сказанное слово. И я вынуждена говорить с Морицем о погоде и о всякой прочей ерунде. В то время, как мне хочется говорить совсем о другом! Я так измучилась! Моё сердце просто изнывает от тоски… Скажи, Юлия, ты поможешь мне?

– Я всегда готова тебе помочь. Но как?

– Я напишу Морицу записку. Надо придумать, как её передать.

– Мы уже однажды решали с тобой этот вопрос. Тогда нам под руку подвернулся кадет Голицын. Сейчас его нет. И, кажется, иных вариантов – тоже.

– Кстати, о Голицыне! – вспомнила Аня, – Ты что-то давно ничего о нём не говоришь!

– Потому что я не хочу о нём говорить, – предупредила Юлия.

– Ты сердита на него?

– Скорее, на саму себя.

Анна изобразила надменность:

– Мне показалось? Или у тебя от меня секреты?

Юлия повела плечами:

– Никаких секретов. Я сердита на себя за то, что Голицын занимает слишком много места в моих мыслях. И стараюсь отучить себя от этого.

– А у меня в последнее время такое впечатление, что ты мне что-то недоговариваешь!!

И Анна скрестила руки на груди, бросив в подругу испытующий взгляд. Юлия сделала над собой усилие, изобразив искренность:

– Тебе показалось, – заверила она, – Может, отложим разговор о Голицыне. И поговорим о Линаре. Если мадам Адеракс вновь будет столь любезна, что согласится погулять по дальним дорожкам, то передать Линару записку тебе не составит труда.

– К сожалению, мадам Адеракс больше не окажет такой любезности!

– Жаль, – пожала плечами Юлия, – Что ж, тогда я могу передать записку. Пока мы будем гулять, я придержу её в рукаве. А при прощании, осторожно переложу за отворот на рукаве Линара.

Аня поразмыслила:

– Пожалуй, так и сделаем.

– Осталось лишь написать записку.

– Я уже написала! – сообщила она, усаживаясь в кресло и раскрывая книгу.

Юлия подождала. И, видя, что принцесса не намерена посвящать её в подробности, была несказанно удивлена:

– И ты не хочешь мне даже сказать, что именно ты написала? – осторожно спросила она.

– Нет.

– Почему?

– Убеждена, это вновь закончится тем, что ты будешь меня поучать, и заставишь переписать всё так, как хочется тебе!

Юлия растерялась:

– Анна, что происходит? Я чем-то обидела тебя?

– Нет.

– Но прежде мои советы тебя не раздражали. И, кажется, давая их, я ни разу тебя не подвела и не поставила в неловкое положение.

– Это так. Я не стану возражать, что ты умна и практична. Ты намного умней меня! И твои советы мне очень помогли, – признала Аня, – Но это не может продолжаться вечно!

– Что ты хочешь сказать?

– Всякий раз, я ловлю себя на мысли, что говорю с Морицем твоими словами и делаю лишь то, что было придумано тобой! Но ведь это ***я*** его люблю, а не ты!! Он – ***мой*** Мориц!! Нет ничего приятней, чем поступать так, как велит тебе твоё сердце. И я хоть раз хочу поступить так, как велит мне моё сердце! Понимаешь?!

– Конечно.

Юлия умолкла, присев в кресло в другом конце комнаты. Повисло гнетущее молчание.

дом канцлера А. И. Остермана

Граф Ягужинский снял шляпу и приветствовал сидящего за рабочим столом Остермана:

– Здравствуйте, Андрей Иванович. Мне сообщили, что Вы пожелали меня видеть.

Остерман небрежно сделал знак рукой, предлагающий гостю присесть, всем видом демонстрируя, что вынужден отвлечься от чрезвычайно важных дел.

Ягужинский в ответ на его нелюбезность, нарочито удобно устроился в кресле, закинув ногу на ногу, вызывающе уставился на канцлера:

– Я весь внимание.

– Павел Иванович, должен сообщить, что я недоволен Вашей работой в кабинете министров, – сухо сообщил тот.

Ягужинский ничуть не смутился:

– Чем обусловлено Ваше недовольство?

– Вы оттягиваете решение вопросов тем, что своевременно не визируете приказы кабинета министров своей подписью.

– О! Вы употребили очень правильное слово – «своевременно»! – подметил Ягужинский, покачивая ногой.

Остерман взглянул на него исподлобья:

– Что Вы хотите сказать?

– Моя подпись не фигурирует на приказах по той причине, что я не бываю *своевременно* ознакомлен с документами, предвещающими эти приказы, и потому не могу судить о правильности обозначенного в них решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.